

Подросток, глядя на огромный алюминиевый таз, нависший над его головой, понуро вздохнул.

— Увы, я уже постиг суть бытия. Двоюродный брат, ты на несколько лет старше, как же ты до сих пор не прозрел? Мы рождены в этом мире, чтобы страдать. Теперь, когда я нашёл свою радость, зачем ты мне мешаешь?

Наконец, терпение брата, державшего таз, иссякло. Он попросту надел его на голову юноши по имени Цюй Сяньяо, после чего схватил деревянную палочку, подпиравшую цветы в вазе, и с громким «Дзынь!» ударил по тазу. Звук эхом отозвался в голове Цюй Сяньяо, вызвав головокружение.

— Узнал про «улыбку от созерцания цветка» и возомнил о себе невесть что, да? А теперь угадай, как называется то, что делаю я?

Затем двоюродный брат Цюй Сяньяо произнёс по слогам:

— Это... называется... удар... посохом... по... голове! Глупец, ты стал ещё просветлённее?

После применения этой тайной буддийской техники брат убрал таз и палку. Юноша, и без того выглядевший полумёртвым, тут же рухнул на кровать и притворился мёртвым (по словам его брата).

Лу Янь, встретив обеспокоенные, но сдержанные взгляды тёти и дяди, которые старались не вмешиваться, подошёл и толкнул своего двоюродного брата.

— Вставай, не притворяйся мёртвым. Я уже говорил с врачом, с тобой всё в порядке. Тот ребёнок, которого ты сбил, пострадал куда сильнее. А ну-ка живо встал и пошёл извиняться. Или ты хочешь, чтобы тётя с дядей за тебя краснели? Сам заварил кашу — сам и расхлёбывай. Только посмей так подумать, и я тебя прибью.

Когда Цюй Сяньяо скатился с лестницы, он упал на мягкую траву, поэтому, кроме эмоционального потрясения, отделался лишь царапинами. Даже лёгкого сотрясения не получил.

А вот у сбитого им малыша было лёгкое сотрясение. Лу Янь заходил к нему перед этим — тот, бедняга, лежал на кровати, и его тошнило под присмотром медсестры.

Услышав это, Цюй Сяньяо на время оставил мысли о монашестве и с трудом сел. Лу Янь подхватил его и потащил в соседнюю палату. По пути тот упрямо сжимал в руке маленькую белую хризантему.

Малыш, как и Фэйфэй, ещё не ходил в школу и сегодня просто пришёл посмотреть на неё. Неизвестно как, но он отстал от няни и попал под горячую руку.

Когда Лу Янь и Цюй Сяньяо вошли в палату, мать ребёнка, только что приехавшая, была вне себя от гнева, но сдержалась и не набросилась на них с упрёками.

Инцидент произошёл в начальной школе «Цысин», и виновником был её ученик. Пока она не выяснит, кто эти двое, она не станет говорить ничего резкого.

Стоя перед «жертвой», Цюй Сяньяо наконец заговорил нормально. Он с виноватым видом присел на корточки и искренне извинился:

— Малыш, прости меня.

Но ребёнок был обижен. Обнимая тазик для рвоты, он хмыкнул и отвернулся.

Цюй Сяньяо продолжал извиняться, а его двоюродный брат Лу Янь просто стоял и наблюдал.

***

Тем временем Фэйфэй и его спутники, прошагав всё утро, к полудню остановились отдохнуть в небольшой беседке. Они решили передохнуть немного и отправиться домой.

Линь Сынянь, открывая флягу, чтобы напоить Фэйфэя, заметил на лице Линь Цзинли знакомое выражение. Он приподнял бровь и, наклонившись, спросил:

— На что это ты опять смотришь с таким видом?

Линь Цзинли, не отрываясь от телефона, невозмутимо ответил:

— С каким таким видом?

— С видом чокнутого маньяка-контролёра, поймавшего подозреваемого с поличным, — без обиняков заявил Линь Сынянь.

Линь Цзинли неодобрительно посмотрел на него:

— Называть племянника подозреваемым — это подобает дяде?

«Так ты, значит, признаёшь?» — мысленно усмехнулся Линь Сынянь.

Иногда он даже восхищался Линь Ханем. Прожить столько лет под гнётом такого отца и сохранить здоровую психику, не сбившись с пути, — это явно в него.

Фэйфэй напился, и Линь Сынянь тоже сделал глоток.

— С Сяо Ханем в последнее время всё хорошо? Ничего не случилось? — спросил он.

Маленькие, чуткие ушки Фэйфэя тут же уловили разговор. Услышав, что папа и дядя говорят о его брате, он поднял голову и вместе с папой спросил:

— Дядя, что с братиком?

Линь Цзинли нежно ущипнул малыша за пухлую щёчку и с улыбкой сказал:

— Братика нужно немного повоспитывать.

— Он плохо учится? — Фэйфэй понял слово «воспитывать» буквально.

Линь Цзинли кивнул и с притворной озабоченностью вздохнул:

— Да, братик вырос, пошёл в университет, возомнил себя взрослым. Теперь целыми днями где-то пропадает, совсем забросил учёбу. Фэйфэй, как ты думаешь, его нужно повоспитывать?

Малыш серьёзно задумался и кивнул:

— Дети должны ходить в школу и учиться. Братик тоже должен ходить в школу и учиться. — Поэтому нужно воспитать братика так же, как папа воспитывает Фэйфэя. Фэйфэй ведь не пропускает школу, чтобы гулять целыми днями.

Линь Сынянь подумал, что представление Фэйфэя о воспитании и то, что имел в виду Линь Цзинли, — это две большие разницы.

В понимании Фэйфэя «повоспитывать» — это, вероятно, постоять и послушать нотацию, минут десять от силы.

А воспитание по-Линь-Цзинлиевски...

Тьфу, опять обманывает ребёнка, подменяя понятия.

***

Но не только Линь Цзинли был мастером подмены понятий.

Видя, что пострадавший ребёнок, у которого кружилась голова и болел нос, никак не поддаётся на уговоры Цюй Сяньяо, Лу Янь взял его руку и положил на голову своего двоюродного брата.

— Если ты считаешь, что из-за него у тебя болит голова и он плохой, тогда сделай так, чтобы у него тоже заболела голова. Выдери ему все волосы, — широким жестом предложил он.

Всё равно тот собрался в монахи, так что волосы — лишь препятствие на его пути к просветлению. Лучше уж поскорее избавиться от этих трёх тысяч нитей печали и обрести покой. Лу Янь выразительно посмотрел на двоюродного брата.

Но ребёнок, в конце концов, был ещё мал и не мог сравниться в жестокости с этим старшим братом по имени Лу Янь. Он не стал выдирать все волосы у того, кто его сбил, а лишь символически дёрнул раз, вырвав шесть или семь волосинок.

Цюй Сяньяо, склонивший голову, вздрогнул. В тот момент, когда волосы были вырваны, его пальцы дрогнули, и лепесток белой хризантемы, сорвавшись, плавно опустился в карман рубашки мальчика.

Поскольку у пострадавшего было лёгкое сотрясение, Цюй Сяньяо и его двоюродный брат Лу Янь побыли в палате недолго и вскоре вышли.

— Ну и какие у тебя впечатления? — спросил Лу Янь за дверью.

Цюй Сяньяо понуро опустил голову и посмотрел на двоюродного брата.

— Я действительно был неправ. Нельзя было из-за своей хандры так безрассудно бегать.

— После сегодняшнего дня первое слово, которое ты должен усвоить, это «сдержанность», — Лу Янь сменил свой гневный тон на спокойный. — Прежде чем что-то сделать, всегда думай о последствиях. Подумай, сможешь ли ты их вынести, хочешь ли ты их видеть. Если бы сегодня с лестницы скатился не ты, а тот ребёнок, которого ты сбил, может, он бы, как и ты, отделался царапинами, а может, получил бы травму. А может, он бы умер.

Лу Янь посмотрел прямо в глаза двоюродному брату.

— Скажи мне, ты этого хотел? Не делай бесполезных вещей с непредсказуемыми последствиями. Если тебе действительно нужно выпустить пар, я могу взять тебя на банджиджампинг или скалолазание. Можем спрыгнуть с вертолётки в тропический лес. Если выживешь, то, чёрт возьми, забудь о своём переходном периоде, отбрось эту свою жалкую мину и живи дальше как человек. В жизни нет ничего, что нельзя было бы пережить. Стисни зубы,

даже если придётся откусить кусок собственной плоти. На следующее утро проснись и, чёрт возьми, улыбнись! Улыбнись и скажи всем, что ты в порядке, что ты справился. В конце концов, у тёти и дяди есть только ты. И в вашей семье Цюй ты — единственный прямой наследник.

Эти слова тётя и дядя не решались ему сказать. Перед тем как прийти, Лу Янь специально попросил их не вмешиваться, когда он будет отчитывать Цюй Сяньяо. Если не показать ему всю жестокую правду, он никогда не повзрослеет и не примет реальность.

— Брат, а ты... ты тоже так делал? — горло Цюй Сяньяо пересохло.

Иногда взросление приходит в один миг.

Лу Янь развернулся и снова щёлкнул Цюй Сяньяо по лбу.

— Ты, блин, чушь несёшь? Я что, не из плоти и крови? Не отцом с матерью рождён? Чушь! Чушь! Чушь!

С каждым словом «чушь» он отвечивал Цюй Сяньяо щелбан. Наконец, он подытожил:

— Тётя и дядя говорят, что ты можешь оправдываться тем, что их переходный период был не таким тяжёлым, как у нас. А теперь я говорю, что я смог. Почему ты не можешь?

На этот раз Цюй Сяньяо не увернулся. Он потёр лоб:

— Брат, я попробую.

Довести его, такого замкнутого и неразговорчивого, до такого состояния было уже большим достижением. Лу Янь больше не давил на него. Они вместе пошли в палату Цюй Сяньяо.

По дороге Цюй Сяньяо, помолчав немного, снова с надеждой спросил:

— Брат, а ты веришь, что в мире не существует «улыбки от созерцания цветка»?

В этом мире «улыбка от созерцания цветка» трактовалась довольно буквально. Большинство понимало её как внезапное прозрение, постижение великой истины о цикличности жизни и бренности всего сущего в момент созерцания цветка. Подавленное настроение вмиг сменялось радостью.

Это и была «улыбка от созерцания цветка».

Эта трактовка, неизвестно откуда взявшаяся, быстро распространилась. В школах, во дворах, в садах, на обочинах — везде, где цвели цветы, началось настоящее бедствие.

Бесчисленное множество людей срывали цветы, пытаясь обрести «улыбку». Власти были вынуждены повсюду установить таблички: «За срыв цветов — штраф пятьдесят юаней».

Но пятьдесят юаней не могли остановить людей, исполненных благоговейного трепета. В прошлом году штраф вырос до пятисот, а сейчас подумывают поднять до тысячи.

— Невозможно. Нет никакой надежды. Забудь. Это обман, — решительно покачал головой Лу Янь.

Цюй Сянъяо не сдавался:

— Но мне кажется, я действительно прозрел.

Он с искренним видом поднял маленькую белую хризантему, подаренную ему «золотым мальчиком».

Лу Янь, непонятно почему, глядя на это искреннее лицо, действительно взял цветок из рук двоюродного брата.

Маленькая белая хризантема покачивалась в ладони Лу Яня, выглядя особенно нежной.

<http://bllate.org/book/13654/1602280>